Грамота вторая (№ 2)

ЗАПИСЬ О МЕХАХ

Документ найден на глубине 2,6 м, между шестым и седьмым строительными ярусами, возле мостовой. Запись написана на куске бересты шириной в 26,5 см, длиной в 8,5 см, большими полууставными буквами. Особенностью ее является то, что текст написан на обеих сторонах бересты, представляя собой один и тот же документ, продолженный на обороте. Наиболее неясен вопрос о начале записи. Начало ее написано нечетко, между тем никаких намеков на то, что верхняя часть бересты в этом месте оторвана, не имеется. Правый нижний корешок записи отрезан и составляет особый кусок. В конце записи, продолженной на обороте, проведены пересекающиеся линии, как будто в знак того, что далее не должно следовать никакого текста (так же, как это делается в позднейших деловых бумагах, где зачеркивается белое место во избежание его заполнения). Разделительный знак — точка.

По своим палеографическим особенностям эта новгородская грамота резко отличается от других, в особенности от близкой к ней по слою залегания записи о поземе и даре. Так, в записи о мехах всюду употребляется буква у в виде лигатуры 8, тогда как в деловой новгородской письменности XV в. обычно употребляется у. Замечательно также употребление буквы ц, написанной в обратном порядке, в силу чего хвостик буквы опускается с левой, а не с правой стороны. Такой способ начертания Шляпкин указывает для одного памятника XIV в.[1] Буква ы пишется в виде лигатуры ъі, следовательно, архаично и необычно для деловых бумаг XIV в. Рядом с этим буква в по характеру начертания близка к такой же букве в записи о поземе и даре; в некоторых случаях (в середине пятой строки сверху) она написана почти как четырехугольник. Очень интересна буква ѣ. Она пишется с загнутыми краями у перекладины, близко к начертанию буквы ѣ в Хронографе 1386 г.[2] Буква з напоминает арабскую

[1] См. И. А. Шляпкин. Русская палеография. СПб., 1913, стр. 62.
[2] См. Колесников. Сборник снимков, табл. 13.

цифру 3[1]. Все это позволяет отнести запись к концу XIV — началу XV в., чему не противоречит и глубина залегания. Для грамоты характерна замена ъ буквой о, как и во многих новгородских документах. Близких аналогий в русской письменности XIV—XV вв. начерки записи не имеют. Предположению, что запись написана иностранцем, противоречит то обстоятельство, что характер написания букв не имеет никакой связи с письменными документами на латинском языке, относящимися к XIV—XV вв.

Приводим текст записи:

1
1. -ѣкуѥвьбѣларосомѹха.ѹфомѣ.г҃.
2. кѹницинѹмики.в҃.кѹници.ѹфомѣсохѹ
3. даль.дарѹкѹницювѣльѧказа.д.кѹн
2
4. ицаигѹгморонаволокикѹница.ѹмѧтещи
3
5. в҃.кѹницинѹвѣльютовъіхо.в҃.кѹницинѹвозем
6. ѹта.в҃.кѹници.ѹфилипа.в҃.кѹницинѹнамѣст
7. а.в҃.бѣли.ѹжидиликѹницаволикомоос
4
8. тров ѣкѹница

На обороте:

5
9. ѹвихтимаса.в҃.бѣлокинѹгостили.в҃.кѹницинѹв
6
10. ѣльюта.г҃.кѹници.ѹлопинкова.ѕ҃.бѣло

1. Начальная буква читается неясно. может быть это **а**, перед которой стоит какой-то маленький неясный значок.

2. В тексте четко читается **игѹгморо**; здесь можно предположить испорченное место, может быть непонятное название или личное имя (см. далее); при этом следует иметь в виду, что конечное **о** могло быть поставлено, как и далее, вместо **ъ**.

3. Слово **вѣльютовыхо** следует читать как **вѣльютовыхъ**; здесь, как и далее, конечный **ъ** заменен **о**.

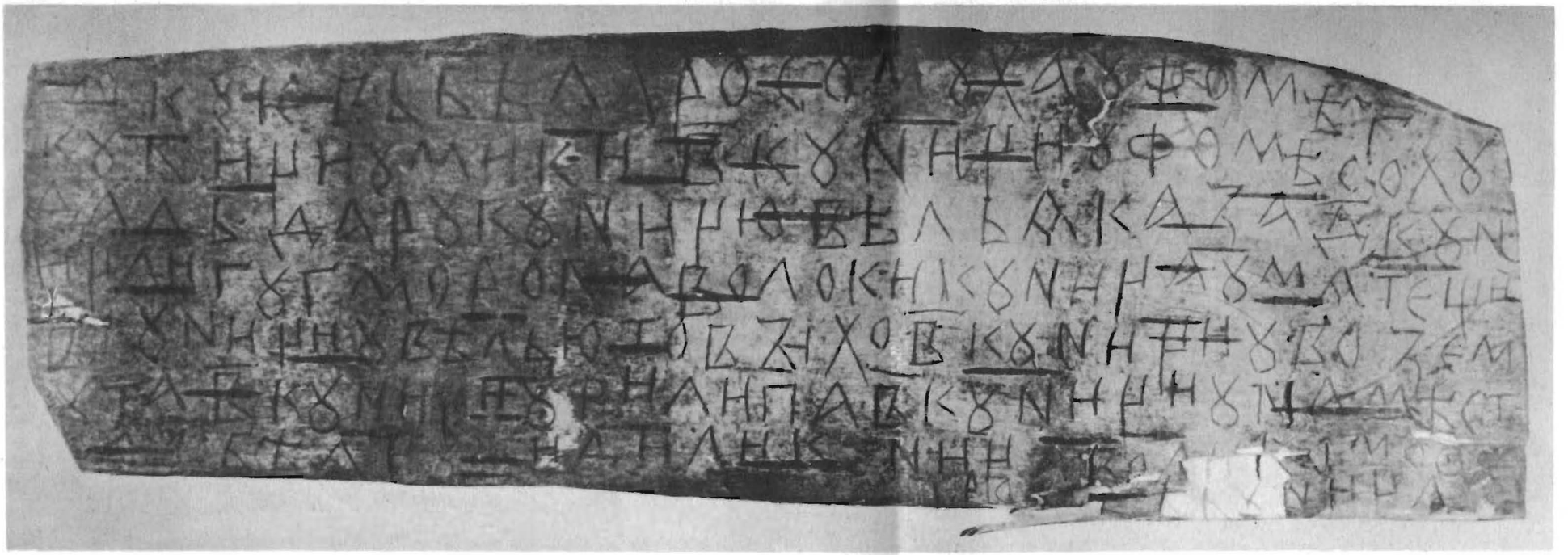
4. Слова **воликомоостровѣ кѹница** написаны раздельно, так как здесь находился край бересты (трещина разделяет буквы **тров** и **ѣ**). Вследствие высыхания коры буквы **остров ѣ** плохо читаются; при находке записи они читались более явственно. Весь текст может быть прочитан раздельно следующим образом: **воликомъ островѣ**, имея в виду, что здесь конечный **ъ** заменен **о**, как и выше.

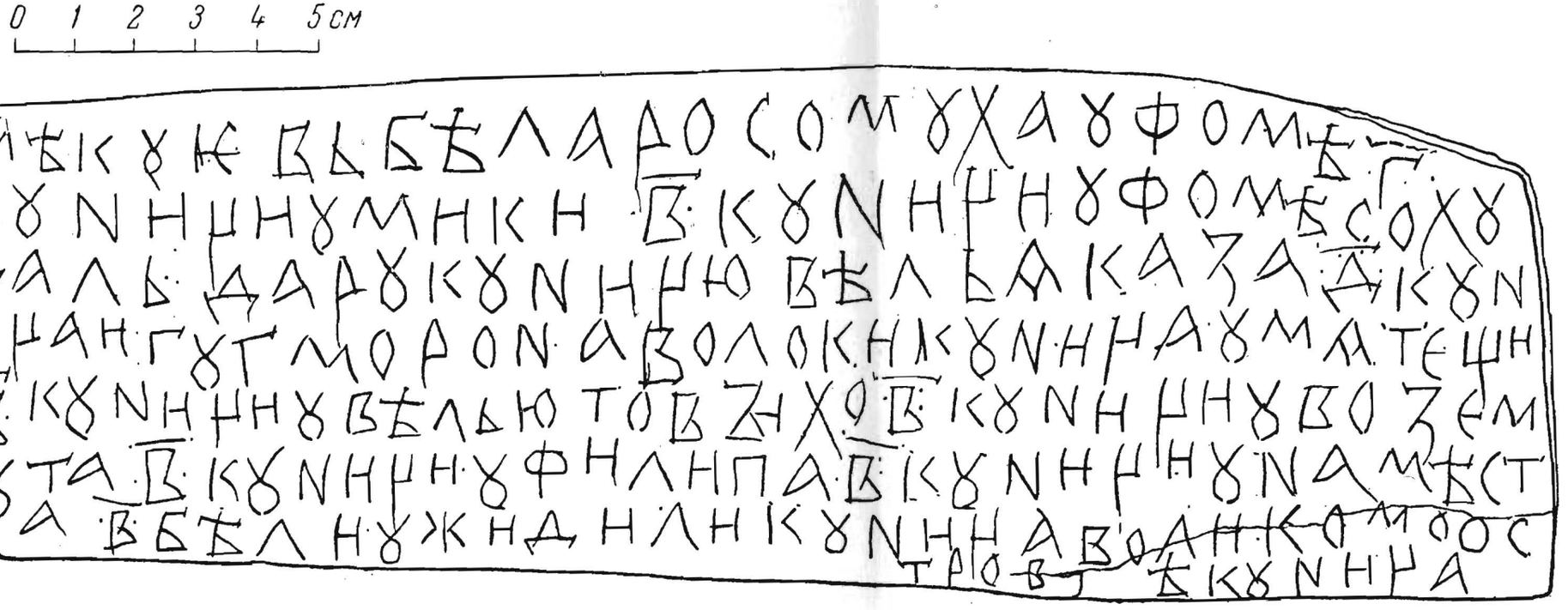
5. Слово **бѣлоки** можно читать как **бѣлъки**.

6. Слово **бѣло** может быть прочитано как **бѣлъ**.

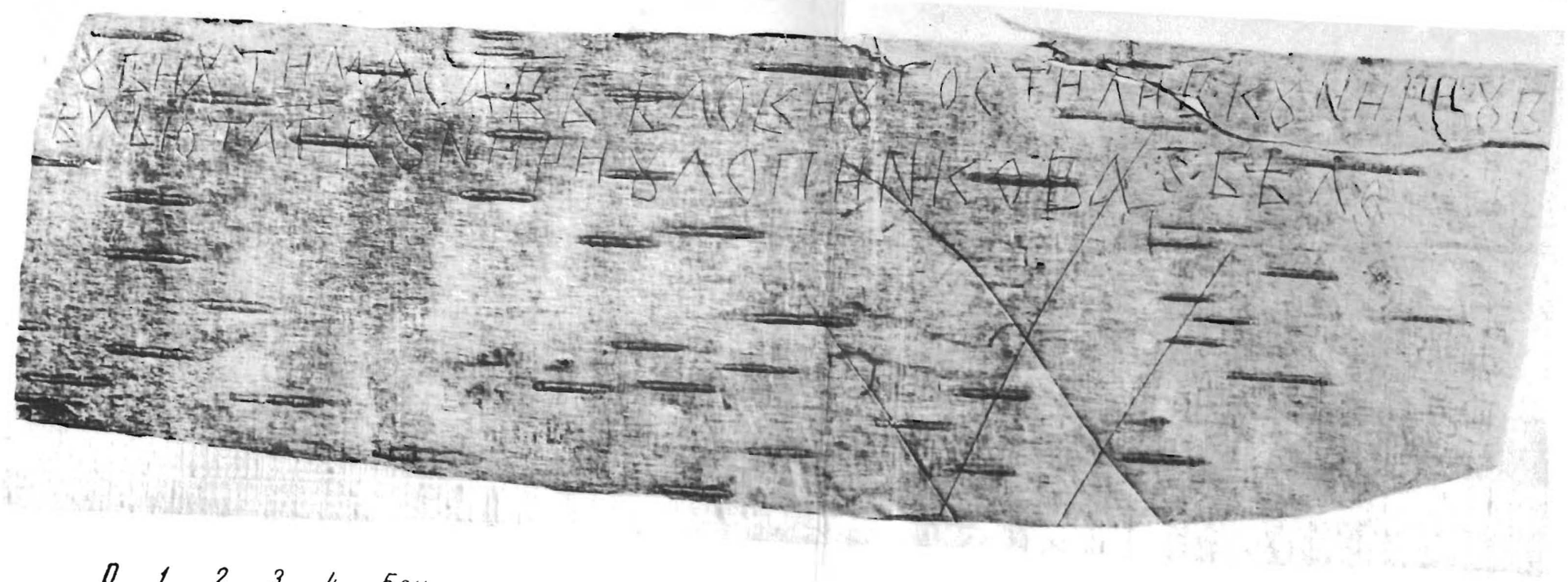
---

[1] См. у Щепкина в учебнике русской палеографии рис. XXXIX, 7-й ряд.

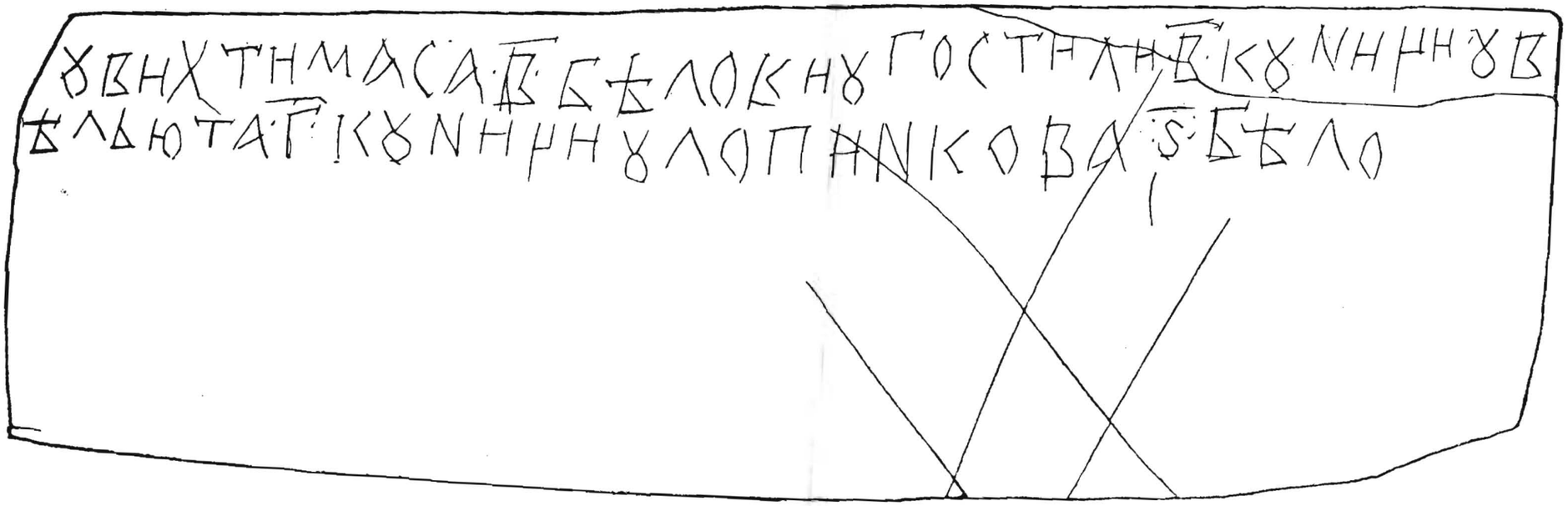




Грамота вторая. Запись о мехах (фотография и прорись лицевой стороны).



0 1 2 3 4 5см



Грамота вторая. Запись о мехах (фотография и прорись оборотной стороны).

В записи упомянуты меха белой росомахи, куницы, белки. По справкам, полученным от Б. А. Кузнецова, белые росомахи (альбиносы) встречаются очень редко, мех росомахи является ценным. В русской письменности название «росомаха», повидимому, появляется поздно (оно отсутствует в «Материалах» И. И. Срезневского и «Материалах для терминологического словаря»). Слово **куница** вместо старого **куна** для обозначения куньего меха в письменности известно уже по памятникам XIV в., к которому относится запись. Словами **куница** и **белка** обозначались также особые феодальные подати. В записи указание на куницу, белку и росомаху связано с личными именами, а это указывает на то, что в ней говорится о мехах, а не о денежных или податных единицах.

В записи имеются следующие имена: Аекуевь, Фома, Мика, Вельяказ, Игугморо, Мятеща, Вельютовы, Воземут, Филип, Намест, Жидиля, или Жидиль, Вихтимас, Гостила, или Гостиль, Вельют, Лопинков. Из них обычными новгородскими именами являются только четыре: Фома, Филип, Намест, Жидило. Намест-новгородец упомянут в летописи под 1240 г.[1]; Жидило Жихнович показан в числе послухов известной рядной Тешаты с Якимом[2]. К числу новгородских имен, возможно, относится также имя Мятеща.

Значительное количество имен в записи — нерусского происхождения (Аекуевь, Мика, Вельяказ, Игугморо, Вельют и Вельютовы, Воземут, Вихтимас, Лопинков). С большим вероятием можно думать, что в данном случае мы имеем имена нерусского происхождения. В писцовой книге Деревской пятины 1500 г. имеется описание двух погостов «в чюди», населенных крестьянами с именами, близкими к перечисленным в записи[3]. Так, в писцовых книгах указан «двор Данилко Акуевь»[4], что почти целиком соответствует имени Аекуевь в записи. Целый ряд имен в тех же волостях имеет окончание «ас»: Игамас, Тойвас и т. д.[5] В тех же книгах указан Вильяд Федков[6], что очень близко соответствует имени Вельют и Вельютовы в записи. Вихтимас записи соответствует Витамасу хроники XIII в.: это имя носил старейшина эстов в Саккале[7].

Неясным является происхождение имени Гостило, или Гостиль. В новгородской грамоте середины XV в. этим именем назван колыванский посол Гостила, или Гостиль: «у Гостили два рубля»[8]. Под 1420 г. в летописи упоминается вельядский командор («велиядьскый кумендер») Гостило[9]. Впрочем,

---

[1] См. Новгородская летопись, стр. 77 и 294.

[2] См. Русско-ливонские акты, стр. 15.

[3] См. Новгородские писцовые книги. СПб., 1868, т. III.

[4] Там же, стр. 922.

[5] Там же, стр. 908.

[6] Там же, стр. 915.

[7] См. Хроника Генриха Латвийского. Перевод С. А. Аннинского. Издательство Академии Наук СССР, М.—Л., 1938, стр. 217.

[8] Грамоты Великого Новгорода, № 75, стр. 127.

[9] См. Новгородская летопись, стр. 412.

имя Гостилец известно и в среде самих новгородцев[1], оно имеет общий корень со славянским именем Гостомысла. В ответ на запрос о происхождении имен, упомянутых в записи о мехах, Институт языка и литературы Академии Наук Эстонской ССР сообщил: «Часть этих имен, а именно имена с корнем велья, действительно эстонского происхождения, хотя этот корень (эст. **välja** — «поле») имеется и в водском языке. В эстонском языке встречаются и суффиксы **к**, **кас** и **-т** (**ti**). Следовательно, можно предполагать, что имена Вельяк и Вельякас эстонского происхождения; но в именах Игугморо, или Игугмор, Воземут, Вихтимас, Гостил и Лопинков трудно установить эстонские корни и суффиксы» (сообщил зав. сектором исследования языка А. Каск).

В ответ на такой же запрос, посланный Институту истории, языка и литературы Карело-Финского филиала Академии Наук СССР, было получено следующее разъяснение: «1. Приведенные слова, очевидно, являются и фамилиями, и именами. 2. Некоторые из них, как Вихтимас, Игугмор, Гостило, карельскими средствами не могут быть этимологизированы. 3. Если учесть русскую передачу и русское написание карельских слов, при котором они сильно изменяются, то некоторые слова, как Вельяказ, Вельют, могут быть произведены от **velli** — «брат». Вельют — это уменьшительное от **velli**. По-карельски звучит и пишется **vellÿt** (у как немецкое **ü**) — «братец». Вельяказ — это **velli** с суффиксом **kaz** — **kas**, придающим значение: «имеющий много (несколько) себе подобных». По-карельски это звучало бы **vellikäz** — «имеющий братьев».

Также могут быть этимологизированы: Аекуевь от карельского **aika** или **aiga** — «время»; Воземут от карельского **vazen** — «левый», при суффиксе уменьшительности — **vazemut** — «левенький»; Намест — можно допустить, что это от карельского **niemest** — «с мыса», «житель мыса», **niemi** — «мыс»; Жидиль напоминает по звучанию карельское **židilä**, **čidilä** — **čidzilä** и другие диалектные звучания, в переводе — «цедилка» (для процеживания хмеля из пива и пр.); Лопинков — может быть калькой от карельского **lappilaine** — «лопьский». Так называются карелы средней и северной Карелии. 4. Мика — по-карельски **Mika** — **Miku** зовут Никифора и Николая. В данном случае буквально — карельское имя» (сообщил А. А. Беляков).

Таким образом, запись относится, повидимому, к районам Новгородской земли, населенным карелами и отчасти эстонцами. Географическими указаниями являются названные в записи Волок и Великий остров.

В записи упоминается также слово **дар**, как и в записи о поземе и даре. Слова **у Фоме сохудаль** остаются без объяснения, хотя слово **соха** в различных его значениях известно с давнего времени.

---

[1] См. Новогородская летопись, стр. 73 и 284.

Даем текст записи с разделением на слова:

1. **Аекуевь бѣла росомуха. У Фоме 3**
2. **куници. У Мики 2 куници. У Фоме соху**
3. **даль, дару куницю. Вельяказа 4 кун**
4. **ица. Игугмор на Волоки куница. У Мятещи**
5. **2 куници. У Вельютовых 2 куници. У Возем**
6. **ута 2 куници. У Филипа 2 куници. У Намест**

7—8. **а 2 бели. У Жидили куница. Воликом островѣ куница.**

9. **У Вихтимаса 2 бѣлки. У Гостили 2 куници. У В**
10. **ельюта 3 куници. У Лопинкова 6 бел.**